

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

АРКА НЕБЕС

НЕКОТОРЫЕ ВИДЯТ ВСЕ
ТАКИМ, КАКОЕ ОНО ЕСТЬ
НА САМОМ ДЕЛЕ

Анатолий Агарков

**Арка небес. Некоторые
видят все таким, какое
оно есть на самом деле**

«Издательские решения»

Агарков А.

Арка небес. Некоторые видят все таким, какое оно есть
на самом деле / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903709-1

Недавно обнаруженный город Аркаим старше египетских пирамид. Уму непостижимо! А сколько в нем загадок совсем необъяснимых. Одну сейчас я объясню — откуда есть-пошла цивилизация на Земле? Герою повести «Арка небес» пришлось нырнуть в реку времени на глубину 12 тысяч лет, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение Аркаиму. Мало того, волхвам, несущим мудрость людям всей Земли, он лекции читал о мироздании. Теперь понятно от кого у нас прогресс?

ISBN 978-5-44-903709-1

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	17
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арка небес

Некоторые видят все таким, какое оно есть на самом деле

Анатолий Агарков

*Некоторые видят все таким, какое оно есть на самом деле,
и спрашивают, почему оно такое.*

*Другим грезится то, чего нет, и не может быть,
но они вопросов не задают.*

/Д. Б. Шоу/

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-3709-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Опять дорога, опять в пути... Что ж... может быть именно этой дороге суждено вывести к уготованному именно мне жизненному пути. А если нет...? В мире еще много дорог, готовых вести дальше, если сердце снова позовет в путь...

Меня зовут Анатолий. Анатолий Агарков. Слышали про такого?

Наверное, нет – я стараюсь не говорить громко. Фактически, вообще издаю мало шума: я – тихий человек. Когда говорю, меня переспрашивают. Когда смеюсь, никто не скажет, что оглушительно. Когда плачу, чувствую слезы на лице, но не издаю звуков.

Вот я такой – привыкайте: разговор будет долгим.

Я собирался в пещеру Титичных гор – и вот я здесь.

Найдя вход, был вынужден ползти на карачках до известного грота, где закончилось мое второе путешествие к этим горам и началось удивительное в страну, поцелованную временем. И вот он (грот) – внушительная почти круглая пещера с высоким сводом. С облегчением встал на ноги. Запахи прошлогоднего лета коснулись ноздрей – зеленой листвы, цветов и дождя. Когда-то здесь жили древние люди, и эхо шагов настораживало даже пугало, как отголосок былых времен.

Я обыскал каждый дюйм подземного помещения: весь пол закован в лед, с потолка свисают сосульки – ни намека на клад Пугачева.

Так и сказал ему (гроту), душевно страдая:

– Здесь нет никакого клада!

Однако мне не хотелось проигрывать. Несколько раз обошел по периметру, щупая стены и недоумевая, что же мне искать, что нащупывать – люк? потайной ход? нацарапанный знак?

Думай, чекист – приказал себе.

Медленно передвигаясь по ледяному полу, вел рукой по основанию стены, ища хоть какой-то символ, хоть малейший намек на то, что делать дальше. Боковым зрением заметил какое-то движение подо льдом, но проигнорировал его. Потом вернулся, нагнулся и стал изучать, подсвечивая фонариком. Не сразу, но понял – это пузырьки воздуха стремительно пролетают в потоке под прозрачным льдом. И куда они исчезают?

– Природа не будет так глупа, чтобы разместить дверь к своему драгоценному королевству на поверхности, – сделал открытие и озвучил себе.

Природа могла быть довольна своим мастерством: понял – вот он, заветный вход, и нежелание лезть под лед пробрало до самых костей. Но для чего-то же взял с собой заступ. Перед тем как пустить его в дело, тщательно изучил толщину льда, как будто он был одним из архитектурных элементов пещерной конструкции.

Я был на границе миров. Интуиция с прежним опытом подсказывали – поток вышвырнет меня в иную реальность. Но все же – где именно? На каком обороте витка земной истории? Как угадать?

Страшно? До жути. Даже холода не чувствую.

Снял с себя всю одежду, сел на кромку льда, опустив ноги в прорубь.

Чувствую стремительный поток воды, уносящийся под стену.

Это же верная смерть – куда лезешь ты, шизофреник?

Желудок свело от страха, сердце ныло нехорошим предчувствием, и я готов был захныкать от мысли, что мне все же придется это сделать. И остановиться уже не могу – давно отдал себя на волю случая.

– Господи, вразуми безумца! – крикнул и, оттолкнувшись, скользнул в полынью.

В одно мгновение меня затянуло в туннель, пронесло водоворотами, помяло и поцарапало о стены. Был момент, когда грудь начало жечь от недостатка воздуха, а перед гла-

зами вдруг заплясала засасывающая чернота. Но тут солнце блеснуло – я хватил воздуха ртом и ухнул с вершины в пучину... спиной – да так больно!

Даже теперь неприятно вспоминать мои тогдашние впечатления.

После стремительного тоннеля и шумного водопада стихия вдруг успокоилась – пещера пропала, надо мной было небо, а вокруг вода. Теперь движение ее было медленным и торжественным, даже немного жутковатым в своем величии. Меня несло по реке, как... ну, что там, в проруби плавают?

Вся ширь ее открылась перед взором – чистая быстрина, бело-зеленый заберег кувшинок, камыши, осока, дальше лес. Безлюдным показался новый мир.

Некоторое время, пока выбирался со стремнины, мотало во все стороны, словно лодку, попавшую в бурю. Ближе к берегу течение почти незаметно, но стебли кувшинок хватили как чьи-то руки, тянули вглубь. Приходилось часто нырять, ибо сил не хватало протиснуться между огромных листьев.

В стене камышей открылся широкий проход к берегу.

– Туда, – шепнул себе прокусанными губами.

Нырнул и в полусумраке воды увидел змею перед лицом – черную с зеленоватым отливом треугольной головы. Она, даже не шелохнувшись, продолжала пристально смотреть мне в глаза. А ужалил – подумалось – за незащитные гениталии...

Разъяренный, смущенный, испуганный рванул на поверхность и вытащил на себе целый клубок водорослей. Конвульсивно дергаясь всем телом, пытался избавиться от них, но тщетно – бился, бился, пока не понял, что угодил в сеть. Еще были силы – пытался вывернуться из нее, пытался порвать и ничего не хотел думать о том, что у реки есть дно.

Должно быть, страх лишил разума.

Устал – затих. Где вы, пиявки? Кушайте меня на здоровье, пока кровь горяча.

– Смотрите-ка!

Я поднял голову над водой. На берегу, как пень одинокий, торчал человек. Он был в подбитом мехом плаще – не современном, с рукавами, а как бурка у Чапая – и держал в руке копье наконечником в мою сторону.

– Чуда-юда какая-то... Эй, подите сюда!

Сквозь водоросли, облепившие лицо, различил грубоватый и глуповатый лик, заросший густой черной бородой. Волосы у человека были чуть светлее и заметно – пострижены. На поясе висел длинный кинжал. Средневековый рыбак?

Тем временем, приблизились и другие.

– Чего тут у тебя? – раздался хриплый бас. – Эй, смотри, водяной никак запутался в сетях!

Голоса, смешки... Всего их трое было – столпившихся на берегу. Они были похожи на медведей – бородатые, в меховых плащах.

– Может, Падающей Водой принесло?

Наступило молчание.

– Ты прав – пойдя, распутай его.

На лице того, к кому обращались, появилась почти блаженная улыбка:

– Не ты ли хвастал, что храбрый из храбрых?

Ответом было лишь недовольно ворчание, но, тем не менее, храбрый из храбрых воткнул в землю копье, вошел в воду и сделал несколько шагов в мою сторону.

– Эй, – оглянулся он на товарищей. – Я достану, моим будет.

– Твоим, если за сеть заплатишь.

Я к тому времени утвердился ногами на дне, но выпрямиться сеть не давала – дрожал скрюченный то ли от страха, то ли от холода. От людей ждал помощи – боялся гадюки. И увидел гнездо в кусте камыша – белые яйца, похожие на речную гальку. Вряд ли гадюки кладутся здесь, но охотиться могут. И тут же заметил возле куста отблеск змеиной чешуи в солнечных

лучах. Вот тогда я опять испугался. Мне показалось, что она способна плевать ядовитой слюной, и потихонечку завыл от страха и беспомощности. Кроме того, чувствовал боль и ломоту во всем теле: проскочить в потоке узкий горный тоннель, шлепнуться с верхотуры, запутаться в рыболовецкой сети – все эти действия имели последствия.

Мало-помалу спасатель ко мне приближался. Вот вода достигла его колен – он снял плащ, свернул и бросил на берег. Вытащил кинжал из ножен – широким лезвием скорее похожий на нож мясника.

– Сеть придется резать, – хрипло крикнул он.

Хозяин ее на берегу промолчал – лишь плотнее запахнул полы плаща.

– Если водяной, я его прикончу, – он уже был в двух шагах от меня и, конечно же, разглядел, что никакой я не водяной.

Потом нахмурился и попятился:

– Это... у него гадюка на голове.

А ведь я даже не почувствовал, как она туда забралась. Впрочем, там целая куча водорослей. И еще на плечах. А руки спутаны. И ноги тоже.

Гадюка, свернувшись кольцом, шипела, не замолкая ни на секунду – пойдешь, мол, прочь, плохой человек, это моя добыча. Из открытой пасти торчали два зуба, с которых сочился яд.

– Не сомневаюсь, что ты струсил, а гадюку придумал, – донеслось с берега.

– Кто мешает подойти посмотреть? – спасатель язвительно улыбнулся, но скорее мне – не змее же.

– Водяной со змеей – хороший улов. Если сварить их разом в котле, уха будет или похлебка?

– Я ее камнем убью, – сказал третий и, правда, нашел булыгу на берегу.

– Ты – меткий, известно, но как убьешь змею, не убив водяного?

– А ты собираешься варить его живым?

– Конечно.

Глаза рыбаков насмешливы – они уже втроем возле меня.

А мне остается бояться и психовать.

– Подразни ее копьём, – предлагает один.

– Если она нырнет, то вынырнет где – неизвестно. Может, в заднице у тебя.

– В воде с ней не справиться, – согласились товарищи. – Надо тащить сеть на берег.

Некоторое время они возились со снастью – отвязали концы от камышей, затащили к берегу, сузив до размеров невода. Я уже перестал скулить, но боялся не только змеи, но и трагедии, в ходе которого мог быть успешно утоплен.

И таки кувыркнули ногами вверх, и протащили мордой через грязь и песок. Но, слава Всевышнему – я не только не захлебнулся, но даже услышал что-то вроде извинений.

– Мы сделали все, чтобы этого не было.

Шаг за шагом исследуя сеть, рыболовы искали змею. Приободрились, не найдя.

– Мужики! – воскликнул один. – А это же не водяной.

Он протянул руку, указывая на меня. Остальные закивали в знак согласия.

– Мужики! – заговорил он снова, набрав в легкие побольше воздуха. – Давайте не будем его делить, пусть будет общим рабом.

Другой ткнул копьём в клубок водорослей у меня на голове.

– Сначала надо посмотреть – нет ли под ним змеи.

Медленно и осторожно они распутали на мне сеть. И вот на свободе я – смертельно уставший, с ломотой во всем теле, особенно ногах и спине.

Оставив попытки подбить меня на самооставку, рыболовы из двух копий и свернутой сети соорудили вполне сносные носилки. По дороге советовали:

– Подумай о том, кто ты такой и каким трудом заплачено за твое спасение. И если говорить начистоту – не найдется готовый заплатить за тебя, быть тебе рабом до скончания жизни. Ты все молчишь, но хоть слушаешь?

Я разглядывал их, стараясь понять, в какую эпоху меня занесло.

Бронзовые нож и наконечник копья – что это? бронзовый век? Речь их понятна – славяне, видать. Три рыболова как братья похожи. Сеть из пеньковой нитки....

Вот и вся информация.

В поселке землянок рыболовов с уловом встретили изумленно-радостными возгласами мужчины, женщины, старики и дети – душ с полста, никак не меньше. Остановили братьев:

– Дайте разглядеть.

Нескоро в поселок вернулась тишина – все возвратились на свои места. Никто не захотел меня купить, лишив рыболовов надежды на прибыль. Немой, неходячий – стал и для них обузой.

Какой-то очень сильный мужик, заподозрил что-то – грубо схватил меня за плечо и, ругаясь, спросил, из-за какой такой болезни я держу свой язык на привязи. А я будто тюк или труп лежу и молчу – беспомощный, неподвижный.

Кстати, что с моей речью? Будто напрочь забыл, как она производится – только звуки ничтожные, стоны, мычание....

Бил озноб не от холода, но от боли в конечностях и спине. И никак не мог собраться с мыслями – может, в этом причина моей немоты?

Меня оставили там, где остановились – только носилки разобрали, опрокинув ношу на землю. Боль полыхнула в спине – все-таки позвоночник!

Сгрузили – забыли. Никто не собирался меня кормить, смотреть мои раны, переломы, ушибы. Зачем же тогда спасали?

Услышал фразу:

– Сдохнет – скормим свиньям.

Перспектива!

Девочка лет девяти поодаль остановилась. Увидев мой взгляд на себе, она вздрогнула. А я ощутил неловкость, почти досаду – не от беспомощности, а от наготы.

– Как тебя зовут? – спросил и сам удивился: речь-то вернулась!

– Жанка.

Длинные черные волосы спадали на ее плечи. Кожа лица блее мрамора, а зеленые глаза казались бездонными. Серое платье с чужого плеча укрывало ее до ступней.

– У тебя нет тряпки, чтобы прикрыться? – сказал, наблюдая за ее реакцией.

Она покачала головой.

– Я – раб твоего отца?

И снова единственным ответом было покачивание головой.

– Я поправлюсь, и буду работать. Не надо меня свиньям. Разве люди едят людоедов?

Девочка опустила голову. Блестящие глаза исчезли под длинными черными прядями. Не меняя позы, она не произносила ни звука – оставалась настолько безучастной, что я подумал: передо мной обыкновенная дурочка.

– Но ведь ты понимаешь, что я говорю?

– Да, – вздрогнув, прошептала она.

Я с трудом приподнялся на локте:

– Принеси мне покушать.

Девочка снова вздрогнула.

– Я поймаю лягушку, ты ее съешь?

– Если поджаришь на огне.

Чуть спустя жестом полным отвращения сунул запеченную квакушку в рот. Достаточно было одного неосторожного слова или смешка, чтобы нарушить эту ужасную трапезу. Более того – меня, наверное, вырвало.

Почувствовал сытость после второй попрыгушки и вместе с ней жажду – так бывает всегда. А девочка сама сообразила – принесла в завернутом кульком листе лопуха несколько глотков речной воды. Вкус ее я уже знал.

После еды боли вернулись – руки ломило, крючило ноги, спина полыхала паяльной лампой. Я весь дрожал, не хватало дыхания. Тем не менее, приложив ладонь к груди и кивнув головой, выразил свою благодарность кормилице.

Она скромно потупила глаза.

– Будем дружить? – сказал я. – Мне нужен друг.

Она кивнула, и я с того дня больше не думал о свиньях.

А в первый много часов подряд боролся не только с болью, но и усталостью – уверенный в том, что, как только усну, кто-нибудь из свиноводов перережет мне горло и скормит, кому обещал. Впрочем, из наблюдений вскорости заключил – люди землянок не более опасны, чем их ленивые собаки. Другое дело, что не очень-то гостеприимны – но, может быть, они за чело- века меня не считают? Водяным прозвали.

День закончился, ночь миновала, а я все еще был жив. Даже поспал, а меня не убили. По причине, которой не мог понять, все обитатели поселка меня просто не замечали – лежит и лежит; сдохнет – свиньям корм. Кроме Жанки, конечно. Однажды она принесла в горшочке горячего молока с медом. А потом кем-то выброшенный плащ, пропахший собачьей мочой. Жизнь налаживалась.

Девочка частенько сживала подле меня с рукодельем – сети вязала сученой из пеньки ниткой. У нее был клубок, челнок и какое-то приспособление, на которое наматывалась готовая сетка. За несколько минут, освоив нехитрое ремесло, я стал ей полезен.

Однажды грубый мужик увидел челнок в моих руках и сделал рабом. Перенес меня под громадный тополь, который спасал от дождя и жары, загрузил работой, приносил еду. В первый раз – кусок вяленого мяса, твердого, как деревяшка, и такого соленого, что щипало язык. Хозяин (так теперь буду звать его) вытер еду рукавом прежде, чем предложить. Я грыз ее целый день. Дали штаны и рубаху до пят – отнюдь не застиранные: к запаху привыкнуть не смог.

На мое рукоделье смотреть приходили. А потом снова забыли.

Тревога, страдание и стыд, одолевавшие меня с первого дня мучительного состояния, понемногу рассеялись – остались немощь и боль. И тайная радость, что я жив, несмотря на все мерзости, пережитые за последние дни. Была и досада – ведь сам себя вырвал из гражданской жизни, расстался со всеми, кого любил, стал немощным (а может, калекой?) и потерял свободу. Но вместе с ней горел маленький и слабый фитилек, пламя которого согревало. Я верил: Бог меня хранит, Судьба благоволит, удача не оставит – здоровье поправится, и дела пойдут в гору.

С Жанкою мы дружили: она единственная знала мою тайну – я только с ней разговаривал. Почему молчал? Мне было то ли стыдно, то ли страшно, то ли... Ну, не хотел я с ними общаться.

– Ты знаешь какие-нибудь песни, малышка?

Девочка подняла на меня глаза. Да, ей хотелось петь! Шум водопада, листья в кроне тополя, птичий щебет – все это сливалось в красивую мелодию, и девочка принялась напевать медленную песенку, хлопая в ладоши после каждой строки.

Это была монотонная грустная песня, и слова непонятны. А может, и не было слов – одни какие-то восклицания. Но ее чистый голосок в унисон окружающим звукам глубоко тронул душу.

– Подожди-ка! – неожиданно воскликнула Жанка. – А ты ведь еще так и не сказал, как тебя зовут! У всех есть имена, кроме рабов.

– А я не видел в селении рабов.

Она колокольчиком рассмеялась.

– Они быстро становятся членами семьи, в которой работают – мужчины мужьями, женщины женами. А настоящие рабы есть только в городе.

– Далеко до него?

– Скоро узнаешь – тебя повезут на невольничий рынок. Там кто-нибудь купит.

– Кому нужен калека?

Девочка вздохнула и пожала плечами.

– Сетей сколько навязал!

– Не хочу быть рабом, хочу стать вашим правителем – я много знаю и у меня имя есть.

По вашим законам не могу быть невольником – меня зовут Анатолий.

Жанка снова запела, и новая песенка звучала воинственно.

– Звучит неплохо. Это чей язык? Кто тебя научил?

Девочка невольно покраснела под моим пристальным взглядом.

– Я не знаю. Эти слова рождаются сами внутри меня именно так, как они звучат.

– Тогда в чем смысл твоих песен?

– Это новый мир, другая жизнь.... В ней достаточно захотеть, чтобы все считали тебя свободным.

Мысль догнала:

– Ты не здесь рождена? Ты рабой была? А теперь?

– А теперь я жена старшего сына хозяина.

При первых всполохах утренней зари ветерок бежал от леса к реке, вздымая гнилостные испарения нечистот поселка. Вечерний бриз приносил сладковатый запах тины и камыша. В эти мгновения я просыпался и отходил ко сну. У меня был кров из листвы и сухая трава под лежанку, я научился ползать в кусты по нужде. Если бы у меня ходили ноги, я мог стать членом семьи и жить в землянке бок о бок с немывыми и вонючими ее обитателями.

Сама мысль ужасала.

Тем не менее, не желал быть больным и слабым – преодолевая боль, тренировал спину с ногами, мечтая когда-нибудь встать. Сидеть я уже научился.

Иногда мною занималась Жанка. Когда она приказывала, в ее зеленых глазах вспыхивал огонь, не допускавший ни возражения, ни отсрочки, и появлялась какая-то внезапная суровость, из-за которой она казалась старше, чем была на самом деле. И даже старше меня, не отважившегося на возражения. В такие моменты и боль притуплялась, и многое удавалось.

Иногда она пела на родном языке, и хотя слова песен были непонятны, в них словно чувствовался запах леса, журчание ручья, шорох ветра в листве деревьев. Жанка могла часами сидеть и вязать сеть, и на лице ее не отражалось никаких чувств – ни малейшего волнения, ни интереса. Я приставал к ней с расспросами.

Пытал по поводу религии, но, похоже, она даже не понимала, о чем идет речь.

В каком же я веке? – черт его раздери!

У них даже идолов нет. И рабство какое-то ненастоящее. Суровы? – да! Но не жестоки. Заболел – вынесли из землянки, положили в тенек – жди судьбы. Так же они умирали.

Жизнь в деревне землянок текла размеренно. Каждое утро, позавтракав скопом, но каждый свое, ее обитатели расходились с невозмутимыми выражениями на лицах – кто в лес, кто на реку, кто занимался ремонтом или строительством жилья, кто правил снасти или оружие. Правителя не было – да и надобности в нем, похоже, тоже. Свары бывали редко и только среди отдельных личностей, никогда не перерастая в массовые потасовки. Лес и река кишели дичью – еды всем хватало, так что делить было нечего. Женщины – через одну беременны, но детей не сказать, что много. Возможно, зимы были голодными – слабые не выживали.

К чему это я?

Не смотря на прыжок в прорубь, я по-прежнему тот человек, который не любит сюрпризов и неожиданностей – все как хочу, все по плану. Каждая минута рассчитана для дела. Ну и что, что рабом считают, что ноги в отказе, что сети вяжу, на еду зарабатывая – голова-то иными мыслями занята.

А мысли такие – хочу стать лидером у этих людей. Только еще не решил каким – светским или духовным? Допустим, светским.... Заведу охрану, обложу налогом, заставлю построить себе избу. Все будут приветствовать меня при встрече или делать вид, что рады видеть. В глаза взгляды уважительные, обожающие... в спину – ненавидящие, предостерегающие. Буду наказывать – власть, знаете ли, надо доказывать. Хотя я терпеть не могу насилия – предпочитаю решать все умом. То есть просто загноблю и все.

М-да... Проблем с этой светской властью!

Меня передернуло непроизвольно.

А дни текли тем же муторным чередом и серой обыденностью. Я лежал под топодем, сонно наблюдая, что происходит в поселке – его обитатели мне казались насекомыми, занимающиеся бессмысленным существованием – и репетировал суровые жесты и взгляды будущего их начальника. Вспоминал самые отвязные ругательства, которые где-либо когда слышал, надеясь запугать ими простодушных обитателей землянок. Еще мне хотелось иметь свирепый вид и мерзкий голос.

Эти мечты и мысли вносили какую-то приятную тревогу в душу калеки-раба.

Я должен стать их правителем! Ведь я на целую милю умнее всех живущих здесь, взятых скопом. Они должны меня слушаться. Слишком тупыми и тормознутыми казались все эти люди, чтобы противиться. Ну, а тех, кто поумней, следует выявить и приручить.

Да, именно с этого и надо начать – найти преданных сторонников.

– Послушай, – как-то ненастным днем Жанку попросил, – ты не можешь для меня развести огонь? Конечности зябнут.

Девочка покачала головой:

– Хозяина надо спросить.

Я решился – пора начинать:

– Ну-ка зови его сюда – человек же я, а не зверь.

Интересно, как они добывают огонь – искрой высекаемой? трением дерева? или борются как уламы? С каким бы удовлетворением полежал сейчас у костра, вздохнул запах дыма. Дождь ли идет, светит ли солнце, огонь – добрый кум, возвращает силы, создает уют под открытым небом. А еще фляжка выпивки – нехстати (?) подумалось.

Жанка убежала за свекром, а я размечтался – научу их готовить настойку.

Явился хозяин мой суровый – сурово взглянул, сурово спросил:

– Ты выучился нашим словам – правильно она говорит?

– Правильно, – ответил я, кивнув головой. – А теперь послушай-ка человека, который повсюду почти побывал и почти все повидал. Заставляете меня вязать сети, хотите подарить башмачнику, кормите впроголодь – впрочем, спасибо, что кормите, а не скормили. Однако лучше было бы использовать мои знания, а не руки. Хотите, я научу вас готовить веселящий напиток – выпил, и ноги сами пускаются в пляс. Небо дало вам в руки случай стать счастливыми. Вы сто тридцать раз закинете в реку свою сеть, а такого еще раз не выловите.

Глаза хозяина моего на мгновение остекленели: видимо, с такой интенсивностью он обдумывал информацию, что даже позабыл жить. Потом шевельнулся:

– Ты не врешь?

– Можешь проверить.

Хозяин с удивлением рассматривал разговорившегося раба.

– Нечего удивляться – принесите мне ягод, каких только соберете. Но сначала одежду неношеную, а эту, – вытащил из-под себя Жанкин подарок – сожгите.

Хозяин ушел и скоро вернулся с холщовой парой – штаны и рубашка.

– Вот, – сказал он, – для тебя. Надевай!

Тряпье я с себя стянул, но обновы примерять не спешил.

– Отнесите к воде – мне надо помыться.

Хозяин кинулся буквально исполнять мое указание.

– Э, брат, – остановил его я, – так ты меня всего изломаешь. Зови других мужиков, делайте носилки. Клянусь – чем больше заботы вы проявите, тем крепче будет напиток и веселей голова.

Бородатый плут скорчил забавную рожу и помчался за рыболовами. И как мне не претила сомнительная роль шута, не удержался и захохотал. Жанка вторила серебряным колокольчиком.

Я помыт, переодет, в полутора метрах от меня горит веселый костерок, а рядом гора всевозможных ягод и горшок ведер на пять – самый большой на все селение, обитатели которого собралась вокруг и с любопытством взирают.

Приказал женщинам сыпать ягоды в горшок и мять толкушками – слой за слоем, чтобы сок появился. Потом сосуд заполнили водой.

– Все?

– Нет. Нужно заклинание.

Хозяин мой облизнулся:

– А ну, друг, скажи это слово, рождающее веселящий напиток.

– Никто не может знать его, кроме колдуна. У вас есть такой?

– Чур, меня! – зашептались в кругу.

– Теперь будет! Я – знаток белой магии, которая связана с таинственными свойствами всего сущего.

Повадил руками над котлом, пошевелил губами, зажмурил глаза:

– А теперь накройте его и ступайте по своим делам. Когда народится новая луна, веселящий напиток будет готов.

– Что это значит? – требовательно спросил мой хозяин.

– Это значит, горшок зачал младенца, и ему надо дозреть. Я буду за ним приглядывать, а вы меня кормить и носить валежник для костра – веселящему напитку нужно тепло.

– Я полагал, что мы сейчас будем пить, – сказал мой хозяин.

– Если будешь ворчать, он прокиснет, – остудил его я.

Хозяин с мрачным видом удалился. Остальные тоже были разочарованы.

– Думаю, – сказал Жанке, – хватит тебе вязать сети: будешь моей помощницей.

– Ты сделаешь меня колдуном? – обрадовалась девочка.

– Я научу тебя многим полезным вещам. Только обещай, что никому не расскажешь о них, пока я здесь: эти знания не всем можно доверить. Обещаешь?

Погладил девочку по густым, грязным и спутанным волосам.

– Твой народ учить да учить: он непоседлив, упрям, своеволен – ему нужна твердая рука. Ты сможешь мне ими править? Ты ведь прирожденный командир.

Раззадорившись, внушал молчаливой собеседнице идею грядущих преобразований – кроме собак и свиней легко приручаются кони и козы, еще утки и кролики. А жить надо в избах – не под землей, а на ней. Я научу их строить.

Родилась новая мысль – у меня будет колхоз! Идея понравилась – не управлять, а направлять. Здорово, черт возьми! Будем выращивать плоды-овощи-злаки, и возить в город на продажу. Ах, если бы не моя немощ, каких делов можно натворить!

– Отличное место – река, лес, поле – будто создано для процветания колхоза «Светлый путь»! Такие дела завернем! Ты только верь мне и помогай. Ты не боишься?

– Нет-нет, – Жанка головой помотала.

Выглядела она бледненькой, но глаза горели настроением – ей не хватало озорства, характерного для детей ее возраста.

Надо подкормить помощницу – решил.

Потребовал трехразовое питание, и в первый же полдень Жанка притащила от хозяина печеную рыбу. Умяли с юной помощницей обед и задремали в тени под тополем.

Жизнь повернулась другим коленкором!

На третий день настойка ягодная зашипела, запузырилась и покрылась пеной.

Я попробовал ложкой из березовой коры и сплюнул.

– Ишачья моча! Сахару не хватает.

Жанку просветил:

– Нас убьют, если что-нибудь не придумаем.

– А что придумать? – побелевшими губами прошептала девочка. – Жаль, конечно... как-то оно наперекосьяк пошло... лучше бы мы сети вязали.

– Хоп! Я придумал – сходи в лес, принеси мухоморов: такие красные грибы с белыми пятнышками. Знаешь?

– Да, но... от них болеют и умирают, – совсем растерялась Жанка. – Так нельзя.

– Помрут, не убьют. Но не помрут – я же колдун, а ты моя помощница и должна мне верить. Иди – принеси.

Девочка перестала упираться и побрела в лес.

Принесла в подоле пять больших шляпок весьма ядовитых грибов.

– Ты только не клади их целыми – догадаются.

– Маленькая, а уже умная, – согласился с доводом. – Давай нащипим кусочками. Я так думаю, все, что растет, от Бога – он не захочет, никто не умрет.

– А кто это?

– Хочешь, расскажу?

С именем Господа на устах мы укрепили настойку ягодную мухоморами.

И славно так прокатило!

Когда время пришло, стойбище так назююкалось – и плясали, и пели, и, блаженно улыбаясь, вели бесконечные разговоры. Никого не оставил равнодушным веселящий напиток: от стара до мала все сияли – вот что поганки с людьми делают.

– Пейте, ага... – подливал я им в чаши, благосклонно кивая.

– Ты красивый, – полезла какая-то баба целоваться.

– Красота мужчины в характере, а не в том, куда ты руками лезешь, – остудил ее я.

Ни я, ни Жанка приготовленную нами гадость не пили, но, должно быть, нанюхались и разговорились.

– Не жалеешь, что девочкой родилась?

– Мужчиной жить тяжело. А мне сейчас достаточно прикинется дурочкой и никто не трогает.

Умничка! И молодец, что поверила мне – впереди у нас великие свершения. Если я стану королем, сделаю ее принцессой.

– Хочешь принцессой быть? Есть шанс.

Пока другие упивались, мы с помощницей объедались – было из чего выбирать.

И в какой-то момент вдруг понял, как преуспеть в этом благословенном мире. Надо составить кодекс законов и заставить всех поклясться их выполнять – за чарку веселящего напитка селяне мне в чем угодно присягнут.

Вот только почему хорошая мысль всегда приходит опосля? Блин! Как минимум две недели потеряю до следующей попойки.

Потом еще подумал и довольный гоготнул. Ну, в каком-то смысле....

И еще. В пьяном разговоре кто-то обмолвился о местах выхода Силы – на него прищипнули, но я услышал и спросил – о чем это?

– Кому надо, тот про места выхода Силы знает, – сказал болтун и приложил палец к губам. Я задумался – и, наверное, это главный итог пиршества для меня.

В селении же вот что сотворилось. Один мужик в реке на мелководье захлебнулся, где и курицу не утопить. Другой с дерева упал, переломался – не жилец, и скоро скончался. Остальные драку учинили – то ли стенка на стенку, то ли каждый за себя. Друг друга по мордасам били, одного до смерти запинали – испокон веку такого здесь не было.

На следующий день оклемались, подсчитали потери, крякая, поскребли сферы лохматые и ко мне – надо бы повторить.

– Анархия кончилась, – объявил селянам. – Командовать парадом буду я.

И начал новый порядок устанавливать.

Бывшего своего хозяина назначил заместителем. Он подумал, но так и не понял, гордиться ли ему оказанной честью или вовсе наоборот. На всякий случай принес мне новехонький плащ, соответствующий моему статусу председателя.

И дальше все пошло просто замечательно – я объявлял о формировании бригад, а он назначал бригадиров. Артельно стали трудиться рыбаки, охотники, собиратели меда, ягод, птичьих яиц и прочих даров природы. И славно трудились! Женщин организовали в поваров, мастериц пошива верхней одежды, заготовительниц зимних запасов. Результаты труда стали общими – вместе питались, запасали продукты, мастерили утварь.

Подобное предполагалось. Но как быть с избами? Я – малоподвижен, у них опыта нет, инструмента. Но бригаду создали и стали валить деревья бронзовыми топорами.

Жили, работали, но сомнения множились – зачем это нужно, если нет веселящего напитка? И как эти сомнения рассеять, не очень понятно. Не получается структуры власти, как аппарата насилия: сказано – сделано, не сделано – а-та-та. У нас пока: сделают и смотрят на меня – когда же, начальник, веселящий напиток? И что делать?

На Родине моей родной считается – если решение не найдено вечером, оно обязательно само явится утром в виде некой мудрости. Но если следовать желаниям подданных, то утром могло явиться разве только похмелье.

Собрал бригадиров на совет.

– Ну, смелей, проявляйте разумную инициативу!

Они откуда-то догадались, что бывает за инициативу, и дружно так замолчали.

Запустил угрозу:

– Здесь кто-то должности не соответствует?

Намек поняли, и все принялись энергично советовать, как нам организовать работу, не поощряя людей на выпивку.

– Надо пороть неисполнительных бригадиров! – наконец просиял самый затюканный, а потому изворотливый. – А те будут пороть людишек своих.

Зам мой набычился:

– С тебя и начнем – выпорем прямо сейчас, на совете.

А мне идея понравилась – она давала право завести карающий орган, который мог стать и моей охраной. Сейчас прольется чья-то кровь... но я промолчал. Зато пробил на откровения бывшего моего хозяина, обычно сдержанного – видимо накопилось.

– Не понимаю! – прошипел он. – Почему веселящий напиток под запретом? Ягоды кончились или наш уважаемый правитель забыл заветное?

Он закатил глаза и сел.

Рыкнул я:

– Повторяю для безграмотных – веселящий напиток только в праздники.

– Но когда же он будет? Бабы еще ягоды не толкли!

Я открыл рот и закрыл. До меня вдруг дошло, в каком жутком одиночестве я среди бригадиров – всем нужен веселящий напиток, а я чего-то вдруг упираюсь. Они тут комедь предомною ломают, в бригады организовались – ждут, а я упряплюсь. Может, зря?

– Нажраться хотите? Ну, хорошо – завтра ставим напиток.

Назавтра случилась революция.

Искали горшок, а нашли его полным напитка – и отбродившим, и, должно быть, приправленным мухоморами. Селение тут же упилось до риз со всеми известными выкрутасами.

Я лежал под тополем – одинокий, несчастный. За реформами забыл о своей помощнице, и Жанка, подлючка маленькая, предала меня – к гадалке ходить не надо. Что теперь будет со мной и затеей? Ждал самого худшего, но народ, проспавшись, связал плот из бревен для моего дворца, уложил меня – в гребцах зам председателя и три известных рыболова.

Напутствуя, с берега кричали:

– Забери, река, то, что дала – нам без надобности.

Такие дела.

2

Сообразив, что везут не топить – скорее всего, в город на продажу – разбрюзжался:

– М-да. Неведомо вам, конечно, но существуют законы мироздания, и лучше бы их не нарушать. Дорветесь до веселящего напитка, и хана придет племени. Выродитесь вы в больных и убогих. Так уже было, и с вами будет. А потом мир кончится, и никто не удержится – ищи листочек в листопад.

Вздыхнул и оглядел компанию – ага, впечатлились!

– Только те выживут, кто блюдет законы. Знаете, что это такое? Закон гостеприимства: кто не дал приюта путнику – смерть. Закон о независимости: кто покусился на чужую свободу – смерть. Закон о защите здоровья: кто ударил или обидел беспомощного – смерть мучительная. Жестоко? А с законами мироздания иначе не получается...

Что ж, тишина звенящая была мне в этот момент слаще любых оваций. О, как их проняло! Что значит ораторское искусство!

Гребцы мои, ускоренными темпами прогрессирующие в искусстве питья, выглядели ужасно. Истерзанные – самое близкое определение. Вечером выпил – утром похмелье: законы мироздания не отменишь.

– Кабан, ты слышал, что он несет?

– Дурачок! – сурово сказал мой хозяин и мне. – Как наверну щас веслом! А потом отпинаю. Заткнись и не брещи.

– Правду не запинаешь! – огрызнулся я и притих от греха.

– Ну, хорошо, не нравятся вам законы, возьмем понятное слово, что сути не меняет, – высказал наиболее болезненное, на второй день пути и вынужденного молчания. – Так по заветам не поступают. Это дело всех касается... или коснется – я так думаю. А вы как дети...

– Утоплю и закопаю, – пообещал Кабан, взглядом помножив меня на ноль.

– Правду не закопаешь!

Мой хозяин ожидаемо разорался. Рыбаки хихикали и хватались за бока. Плот плыл по течению реки. А мне подумалось – жили люди, думали о жратве; явился я и научил их пьянствовать; на том стоит, и стоять будет человеческая раса.

– Раб! – злобно напомнил о себе Кабан. – Тебя пнуть?

– Хозяин, а ты не задумывался, почему главный у людей называется вожаком, а вовсе не погонщиком? – ласково спросил я.

Увы, «подразнить собак» мое любимое развлечение – благодаря чему еще в детстве получал по шее или расширял лексикон в области нецензурной речи.

– Ты главный? Это я главный, они главные, – кивнул Кабан на гребцов. – А ты корм свинячий.

Я охнул невольно и растеряно замолчал. По искалеченной спине пробежалось стадо резвых мурашек, оставив на память о себе морозные ощущения. До меня вдруг дошло, что, даже разливая им веселящий напиток, оставался бы деревенским дурачком. Уж точно не староста! К чертям собачьим светскую власть – надо было просто прихериться Посланцем Неба и терпеливо идти вперед. Хорошую пугалку придумать неверящим. Однако до сих пор не могу понять – в какую историческую эпоху меня занесло? какому временному отрезку цивилизации соответствует бронзовый реквизит?

И тут меня накрыло. Душа ширилась, ширилась, рвалась куда-то... и, конечно, вырвалась. Блин! Миру людей нужно рабство? Так я это устрою – оно будет вечным: всех вас сделаю рабами Божьими!

Напрягся и попробовал сесть – не получилось.

– Надо же, зашевелился! – подивился хозяин мой.

Настолько был захвачен народившейся мыслью, что даже не стал огрызаться.

Лежа мысли плющатся в голове – попробовал рывком подняться, но боль в позвоночнике уверенно уложила обратно.

Боль отступила – сразу стало легче, и сознание прояснилось.

Можно и так назваться – Сын Неба, но как-то не глянется: бездоказательно.

– Нет, ты здесь не излечишься, – посочувствовал рыбак. – Надо бы тебе на Место Выхода Животворящей Силы. Там практически из мертвых поднимаются. Если, конечно, знать, что и как делать.

Я тактично молчал, давая возможность рыбаку высказаться – и выболтать секрет, которым давно интересуюсь. Информация интересная, а никто не хочет делиться.

– Ну, как раз с этим все просто! – сказал другой рыбак с чувством превосходства. – В Месте том живут знающие люди – они все покажут.

Он спохватился и замолчал. Покосился на меня и сердито треснул себя по лбу ладонью. Вот и поговорили... Но хоть что-то.

Значит, есть такое Место Выхода Животворящей Силы – место, где человек может все. Вот бы добраться туда и тогда уж решить, как и чем покорить аборигенов, чтобы стать владыкою странного мира. А уж потом смогу пожить всласть.

Ха! Мечтательно прикрыл глаза. Представилось ярко, как сижу за огромным столом в собственном неприступном дворце – весело молодки носятся с едой, а державная рука покоится на талии прекрасной жены. Почему нет? У меня, между прочим, полтора высших образования...

Мечты теснились в голове, множились и вызывали чувство сладостного щемления в груди.

Воровато огляделся – никто не читает моих мыслей? Что ж, наверное, это главное – достичь заповедного Места Выхода Животворящей Силы. Вернуть здоровье и – почему бы не набраться этой самой силы? А вдруг получится? И тогда – в задницу кабанью все эти светско-духовные лидерства! Я буду властелином мира и никаких гвоздей!

Накопилось, блин!

– Не врут легенды-то! – вздохнул своим мыслям еще один рыбак. – И почему там люди не живут?

– А то давай, – посоветовал товарищ. – Бери свою бабу и топай туда.

– Силы без меры – это смерть, – сердито сказал мой хозяин. – С того и не живут, а гибнут там. То-то же.

– Зато сам буду знать, что да как, – поморщив лоб и ничего не насоображав, утешился рыбак.

– Возьмите меня с собой, – попросился. – Я быстрей разберусь, что там к чему.

– Куда с тобой, неходячим? – удивился рыбак.

Кабан потемнел лицом и опасно голову опустил:

– А веслом меж лопаток поглянется?

– Вот этого не знаю, – серьезно сказал. – Отец мой и Создатель мира сего как-то не извещил, для чего посылает меня сюда и насколько. Только знаю: как умру – сразу вернусь домой. А пока... Незабываемый опыт, конечно, но... бр-р! Лучше о нем где-нибудь почитать.

Жалкий свиновод погрозил кулаком Сыну Создателя и будущему властелину мира.

Я лежал на плоту, плывущему вниз по реке, злой на весь свет. Спина мерзко болела. Так не мечтай о несбыточном – довольствуйся тем, что имеешь. А есть у меня несчастная жизнь и жестокий хозяин, который везет калеку-раба на невольничий рынок. Дела мои – дрянь! И оставалось надеяться, что хуже не станет.

– Не понял, – озадачен рыбак. – Если доставить тебя к Месту Выхода Животворящей Силы, есть шанс что-нибудь сляпать и для себя?

Мой хозяин бросил острый взгляд на него, но промолчал.

– Когда-то в том Месте жили люди, – все же заговорил он. – И неплохо жили. Потом захотели еще большего – тронулись умом и разбрелись по белу свету.

– Говорят, они учат добру, только их мало кто видел, – вставил рыбак.

Волхвы! – мелькнула мысль. – Господи, я хочу быть волхвом!

– И что? Если тронулся умом, надо лезть ко всем с дурацкими советами? Я бы таких... – хозяин опять погрозил мне веслом. – Плевать, что ты сын Творца – никто не купит, свиньям скормлю.

Прикрыл глаза, чтоб ненависть не светила так откровенно, и промолчал.

Кабан грозил, грозил и, наконец, исполнил свою угрозу в тот самый момент, когда перестал обращать на него внимание. И потому сильно удивился, когда весло ткнулось в бок. Вспыхнула боль, и взгляд на хозяина, полный ненависти, вышел на удивление убедительным.

Оказалось – приплыли. За разговорами три дня пролетели.

Кабан таки ткнул веслом – еще отпинать грозился, да не исполнил: вот он город.

Он раскинулся на берегу реки. Не город вообще-то: нет мощных стен и Золотых ворот – но как назвать бескрайнее скопище землянок, избушек, домов и каких-то строений деревянных, каменных, глинобитных, в которых тоже жили и трудились люди? Так что – город. Общественных удобств никаких – вода из реки, туалет под кустом и свалка повсюду. Здорово, да?

Но были сады.

Меня перегрузили с плота на носилки и понесли – боль полоснула и отпустила. С любопытством взирал на дома, жители которых зевали, потягивались, завтракали, готовились к дойке коз и коров, с которыми жили под одной крышей, куда-то спешили, не забывая головы новостью – кто это прибыл к ним утренним рейсом на пятибревенчатом плоту? Подумаешь – Сын Бога со свитой! Тут завязка на портках лопнула – вот зараза, язви ее!

Как хорошо было б сейчас встать с носилок, потянуться всласть да поясно поклониться – здравствуйте, люди, вот я и прибыл! Встречайте благую весть!

А была, не была!

– Здравствуйте, люди! Вот я и прибыл, – поднял руку и заорал. – Приветствуйте Сына Бога!

Никто даже не оглянулся.

– Че орешь-то? – приблизил свое лицо Кабан. – Не явишь чуда сейчас – убью. Ну?!

Судорожно вздохнул – встать бы сейчас, вот это чудо! Где-то читал, что обездвиживание можно снять силой внушения. Снять вообще можно все, что касается физиологии и психики – беспредельны возможности человека. Но... не могу.

Завидев тупичок в глинобитных заборах, Кабан заставил повернуть туда.

Носилки опустили – вокруг все те же гнусные рожи.

– Сын Бога! – потешался Кабан, вырезая упругую вицу из колючего куста. – Едрить твою! Пыль придорожная! Сейчас я с тебя гонор сгоню. Ведь как говорится, главное в человеке не внешность, а норы. Сейчас познакомлю со своим поближе.

– Ты ничего не знаешь о силе настоящей веры, – сказал пересохшими губами. – Всех вас создал мой отец: вы – рабы божьи. Вот и все. Умирая, попадете на Страшный суд. Праведный будет жить вечно в раю, а грешный вечно мучиться в аду.

– Тогда испытай, сын божий, ад на земле! – сказал Кабан.

Ребра ожгло болью.

– Иисус терпел и нам велел, – прошептал, прикрыв повлажневшие глаза.

Кто-то из рыбаков шумно вздохнул – будто охнул.

Стало легко. Вместе – всегда легче.

Это было удивительно – меня стегали, а я вслух молился, не зная ни единой молитвы прежде. Может, самогипноз? Или генная память предков? Но какая разница, если помогает.

Лишь бы не рыдать, не извиваться от боли, не просить пощады – не делать того, что дикарь этот ждет от меня. Да я кричал, но кричал молитвы к Создателю – чем больше, тем громче.

– Скалишься? – покривился Кабан и отбросил измочаленный прут, все занозы которого в моем теле.

А я, наверное, сошел с ума – улыбался. Когда рвут кожу на живом человеке – это не только больно, это смертью грозит. А смерть – избавление.

– Вы – братья мои, – сказал осипшим голосом. – У нас один общий отец. Мы должны друг друга любить.

– Ты что, калека, жить устал? Сейчас я тебя проткну!

Кабан в сердцах сплюнул и взялся за копьё – цветовая насыщенность его лица приобретала все более интенсивный оттенок.

– Эй! Эй! Эй! – рыбаки всполошились, вцепились в него. – Что же мы будем продавать, кроме мяса?

– Эй, вы там! – невежливо рявкнул крепкий мужик, подходя. – Когда наругаетесь между собой, не забудьте поздороваться: перед вами хозяин дома.

– Добра и здоровья вашему дому, – кивнул Кабан. – А сунешься в наши дела, накостыляем.

– Да ну? – повел широченными плечами мужик.

– Дурак, да? – спросил мой хозяин. – Один с четырьмя...

Мужик моментально сделался серьезным, и следа дурашливости не осталось.

– Дык дерутся умением, а не числом.

Кабан тут же ощерился и бросился на мужика. Тот бешено закрутился, раздавая хлесткие удары всем четверым. Я размашисто крестился, изображая неистовую молитву.

Мужик взаправду драться умел – одному саданул по коленной чашечке, да и другому: чего мелочиться? Двум другим по почкам надавал.

– Бежим! – крикнул один рыбак.

– А убежим? – крикнул второй.

Самое время – Кабан хрипел и рвался из крепких рук мужика.

– Нам повезло! – крикнул третий и первым бросился наутек.

Кабан таки вырвался и припустил вторым с поля боя.

Конечно, это было его удачей – задраться и убежать с разбитой харей.

Мужик проводил всех веселым взглядом, обернулся ко мне:

– Бойцы так себе, но в одном хороши – бегают резво, ажна зайцы лысеют от зависти к ним. Мне кажется, ты их уже не догонишь.

– Не кажется.

Победителю вольно шутить.

– Ну а ты кто такой? – спросил, разглядывая меня.

А я был готов обливаться слезами радости. Блин! И думал, думал, думал – кем бы прихериться?

– Мне нужна помощь. Очень нужна. Вы единственный в этом городе, к кому я за ней могу обратиться.

– А что ты тут руками-то колдовал – бесноватый?

– Молился за вашу победу.

На грубый прогиб усмехнулся презрительно – живи пока, пригодишься. И ушел.

Накатила усталость. Сколько можно? Бьешься, бьешься – ну, хотя бы спина не болела, да семенили ноги. Знал, конечно – безмерное горе и безнадежность одних ломают навсегда, для других неожиданно становятся дорогой к вершинам духа. И вот сейчас, когда удача и люди оставили меня, собственная глупость (дался же этот клад!) отдала на произвол судьбы, и я

предоставлен лишь своим силам (которых, увы, совсем немного в искалеченном теле) только неукротимая сила духа, как второе дыхание, может спасти.

Поднял взор к небу:

– Отец мой, дай сил и ответ – правильно ли иду? Или обманываюсь иллюзиями, и люди – просто разумные звери? Есть ли высшие законы мироздания или их нет? Возрадуются ли страждущие? Воздастся ли преступившим?

Смотрел в фантастические конфигурации облаков в пустой надежде увидеть Знак – знак того, что справедливость есть. И, конечно, не видел. Да и откуда быть – Бог еще не зачал Иисуса Христа.

Утопиться, что ли да в свое время вернуться? Так река далеко. Закрыв глаза.

– Эй, ты спишь?

Открыл глаза – женщина. Конечно, женщина! В этом путешествии мне в утешители выпадают женщины. Достаточно молодая. Очень своеобразная. Ух, какие строгие глаза.

– Сейчас тебя в дом перенесут.

Мне понравилось у башмачника – простые отношения, ясные задачи. У него была усадьба на окраине города и лавка в центре. Там чинилась обувь, тачалась новая – туда меня и определили жить, работать и сторожить. Начал осваивать новую профессию.

Иногда раздражали клиенты, но чаще с ними общался хозяин. Одно оставалось, как и прежде – сидячая работа и никакой надежды на выздоровление. Мне нужно было найти загадочное МВЖС. Думал об этом, мечтал, а на досуге играл роль Сына Бога и пытался ввести окружающих в раннее христианство.

– Укажи Знак присутствия Бога на земле, – требовали они. – Любой.

Я пожимал плечами: Бог – это же очевидно, он же перед глазами; все вокруг – это Бог. Кажется, так церковь учит. Но им было непонятно. Да и мне.

У меня появились сторонники. Вечерами приходили соседи и бездомные нищие, выносили меня из лавки прямо в рабочем кресле, сами усаживались подле и внимали моим речам о религии и о Боге. Подарки приносили – угощение или что-нибудь из вещей, так что теперь мысли о еде не вызвали обильного слюноотделения. Что может быть в жизни лучше для скромного пастыря? А слушателей, заметил, разом всех в разговорах на загробную жизнь потянуло. Судьба-насмешница дала им возможность ходить, а они готовы руки на себя наложить, чтобы поскорей отойти к Творцу.

Звали меня уважительно – Мастер. Не за руки, сноровито постигающие искусство профессии, а за язык – за проповеди мои.

– Если я – Мастер, то вы – подмастерья?

– Подмастерья? – обсудили они непривычное слово. – Лучше зовите нас мастерки.

Подумал и махнул рукой на дурдом – если затея не сбудется, всех нас развесят на столбы с перекладиной вдоль дороги или на площади. А пока обсуждали вопросы мироздания и бессмертия души.

– Мастер, ты говоришь – души умерших в рай попадают. Так ли это? А может, догадка? А может, на самом деле после смерти ничего нет.

– И с таким ужасом в сердце вы живете? – я убедительно поразился.

– Меня смертью не запугать, – сказал нищий с траншеями оспы на худом лице.

После продолжительной паузы я:

– Уважаю. Вот просто – уважаю. Но душа есть, знаешь ты об этом или нет. Время придет, и она предстанет пред судом. Помни об этом – не греш.

– Мастер, а как Бога узнать? Ты говорил, и дьявол же есть.

Попробовал подскочить от возмущения – не получилось.

– Их не по обличию признают, а по делам предложенным – все хорошее от Бога, все плохое от дьявола. Это понятно?

Нарисовав страшный образ нечистого, так запугал простодушных слушателей, что потом пришлось уговаривать их не бояться мыслей своих, а бояться реальных преступников.

– Мастер, а ты сам с дьяволом встречался?

– Теоретически да.

– И пострадал?

– Практически – от злых людей, чьими душами он овладел.

Итак, я стал учеником башмачника, а на досуге проповедовал. И вот что понял – ненужных знаний не бывает. Пусть не учил я теологию – так, где-то что-то читал, от кого-то слышал, остальное домыслил. И предположить не мог, что когда-то все пригодится. Ну, неплохо. Хотя Творец наверняка поразвлекался, если бы слышал меня.

Но вот диво дивное – чем больше я проповедовал, тем больше чувствовал, что глупею. И как бороться с собственной глупостью?

Башмачник нахваливал:

– Работать можешь, а еще лучше говорить. Не здесь тебе надо сидеть. С твоими талантами – в правители города.

– А зачем мне правителем?

И даже вперед подался, чтобы лучше услышать ответ.

Башмачник растерялся – как объяснить очевидное?

– Богатства много будет, – медленно, как больному на голову, объяснял. – Слуги все за тебя будут делать. А ты будешь лежать и блаженствовать.

– И так лежу, и никакого в этом блаженства не вижу, – проворчал недоуменно.

– Эй, не морочь мне голову, – рассердился башмачник. – Правитель города – это власть. Власть сама по себе сладость. И в семье власть – тоже сладость. И я свою власть никому не отдам.

– Власть ничто без законов, – тихо высказал заветную мысль.

Под заслуженное молчание диалог закончился.

Любил я ночами размышлять под тихое шуршание мышей по углам.

Исторический опыт утверждает, что особо плохого в существовании на низшей ступени социальной лестницы нет. Пусть холодно и голодно, но горение ума это не отменяет – скорее наоборот. А вот начальником быть – мало кайфа. Любим: и староста деревни, и правитель империи решают одни и те же проблемы. И количество действующих лиц примерно одно и то же. Император – он ведь не империей управляет на самом деле, а десятком министров. Не может ум человеческий эффективно руководить миллионами людей – вот в чем заблуждение правителей, всех без исключения. Людьми правят законы. Императоры приходят и уходят, а законы остаются. Императоры любят издавать законы – но только хорошие приживаются, а плохие пожирают своих создателей. Но это другая тема – ну ее...

И вдруг сладко защемило в груди. Представилось, как я внушаю законы Божьи, а мне внимают, доверчиво и восторженно... Блин! С моим ораторским искусством стать проповедником – самое то.

Озадаченно потер лоб. Это что же, судьба моя – стать для народа законотворцем божьим? А что? – кому-то же надо! Почему бы мне не стать первосвященником в этой Богом забытой стране?

Я вырезал подошвы из толстой кожи, протыкал их шилом, протягивал дратву... а в душе пели и перекликались мелодии. Так бывало всякий раз, когда выходил на верный жизненный путь. Музыка гремела и поднималась к небесам. Но явственно пробивалась в ней, крепла и звенела трагическая струна. Таковы судьбы всех мессий. Печально, блин!

Послушникам объявил – слышу голос отца своего!

– Так явственно слышу – протяни руку, дотронешься.

– Что он, Мастер, говорит?

– Он говорит – все, кто верует, должны жить и молиться вместе, владея общим имуществом. Но имущество это принадлежит Ему. Человек рождается, живет, работает лишь для Бога – Ему он строит жилища с высокими куполами и большие монастыри, в которых молятся, каются и работают верующие....

Другого общественного устройства не знал – коммунизм мне ближе всего.

– Ты этому веришь?

– Мне нет нужды верить, я это знаю.

Есть в человеке много непостижимого для него самого. Все таинственное и высокое в нас принадлежит Богу, зато людям присущ здравый смысл. Но странно устроен человек – с невероятной жадностью гребет к себе все на свете; безмерно страдает, когда ему чего-то недостает. А потом вдруг спускает все нажитое с таким трудом. И жизнь свою ненароком. Но может остановиться и начать все сначала. В своих проповедях вещал: есть только один способ избавить человека от таких катаклизмов – общественная собственность и совместная жизнь верующих в единого Бога.

– Трех вещей жаждет человек. Первое – жить всегда или хоть на час, на день, на год дольше других. Второе – быть счастливым в любви, достатке, в друзьях и так далее. Счастье можно найти даже в страдании, если оно от великих чувств – например, воплощенной ненависти. Счастливым можно быть, умирая – при этом превозмогая, борясь, побеждая. Третье – знаний: даже ребенок с удовольствием открывает для себя мир. Жить, чтобы искать истину, в этом смысл человеческого существования. А вера в Бога – основа основ: с нее начинается сознательная жизнь; лишь она дает то, что так жаждет человек. Те, кто не верит в него, живут в грехе, и искупление будет ужасным.

Пытались мне возражать.

– Мастер, ты знаешь людей лишенных недостатков?

– Один перед вами.

– Но ведь ты же Сын Бога!

Блин! Заболтался!

О посиделках наших, разговорах и проповедях слухи пошли по городу. Это как – если кто-то что-то знает, он не удержится от соблазна сказать другому. Даже скупой, прячущий золото в подвалах, хвастает своей бережливостью. Так что уж говорить о людях, которые прикоснулись к чему-то новому. Осведомленность рвется из них, как загадочные глубинные силы, вызывающие землетрясения, порождая любопытство. Слухи разлетаются, как вспугнутые птицы. Новости стареют быстрее женщин и требуют новой информации по теме. Распространяются шепотом, приглушенными голосами, намеками – бывает достаточно взгляда, жеста, чтобы передать нечто важное.

Короче, о нас заговорили в народе – и я так понял: больше о коммуне, чем о Боге.

Однажды башмачник пришел в неурочный час весь не в духе.

– Что за сборища у тебя по ночам? Сдается, ты людей дуришь и в духовники метишь? Искренне говорю – не советую. Ладно, придут – тебя прибьют, а если мастерскую мою сожгут? Кто? Узнаешь, когда придут. На будущее – если не уверен, что можешь соврать убедительно, просто молчи. Лучше пусть тебя примут за идиота, чем за обманщика. Идиотов не убивают.

– Я никого не обманываю, – тихо сказал, потупив взор. – Я с благой вестью спустился на землю. Я – сын Бога.

– Из тебя божий сын, как из свиньи танцовщица. Ну, докажи.

Судорожный полу-вздых полу-всхлип сорвался с губ:

– Разве жизнь моя – не доказательство?

По лицу хозяина мастерской промелькнули отблески целой гаммы чувств – недоверие, страх, смущение и... злоба.

Басовитый башмачник зашипел, как змея, которую прищемило тележное колесо.

– Забудь, что сейчас говорил! Еще раз попытаешься заикнуться, я тебя выкину, как издохшую мышь. Уразумел? Свинячий хвост ты, а не отпрыск бога.

Мой квартиру и работодатель бросил на меня полный ненависти взгляд и ушел, закрыв снаружи входную дверь на замок. На улице загалдели собравшиеся на проповедь мужики, ругаясь с башмачником.

Отвесив ему мысленную затрещину, принялся размышлять – что же делать?

Было о чем призадуматься.

Ах да, я забыл сказать – неволя моя закончилась с бегством Кабана. Башмачник построил наши отношения, как хозяин с работником, вольным отчалить в любое время в любом направлении. Плату за работу он мне не давал, но кормил, и было где жить. Говорили мы о МВЖС. Здоровым, я обещал, больше пользы ему принести. На что, соглашаясь, башмачник сказал – он де не любитель путешествий. Да и не богат – что было правдой.

Итак, что же делать? Может, с идеей стать духовным лидером безбожного населения города я действительно выгляжу в глазах хозяина дурачком с погремушкой? Тогда... Прекратить проповеди, попросить прощения у башмачника? За ложь о родстве с Богом разрешить ему попинать меня? Но чтобы не больно. Наверное, он не зря взбеленился – человек-то хороший. Вдруг и вправду так случится, что спалят мастерскую. Пусть меня убьют – это не страшно: благополучно вернусь в свой обустроенный век. И буду мучиться сожалениями и раскаяниями за набедакурное здесь.

Да уж, ситуация щекотливая. Мои убеждения всегда остаются при мне. Но идейная борьба в их число не входит. Я реалист и прекрасно понимаю – любая религия есть продукт творчества ума человеческого. Сейчас нахожусь в стране, начисто лишенной признаков теологии. Можно было стать первооткрывателем и сделать на этом карьеру. Но на рожон лезут только дураки и самоубийцы. Уж чего-чего, а этого добра – идейных придурков – и в нашем цивилизованном веке полно. Во всех уголках земного шара ворочают они дела. Посмотришь на них, послушаешь и заречешься от идейного фанатизма раз и навсегда. Как гласит народная мудрость – будь проще, и тебе станут реже давать в зубы.

Но ведь я уже влез в эту байду по самые помидоры – сам себя почти убедил. И теперь, даже если бы знал как, сразу измениться мне не под силу.

Проснувшись среди ночи, восстановил в памяти все произошедшее на закате и... ужаснулся. Мамочки! Во что же я вляпался! Только сейчас с ужасом осознал все последствия бездумного желания выбиться в духовные лидеры, объявив себя Сыном Бога.

Что делать? Скорее всего, попросить хозяина прикопать мой трупик под ближайшим деревом, пока фанатики с обеих сторон (враги и сторонники) не разгромили его мастерскую. Или убраться отсюда на площадь городскую? – мне ведь даже нищие милостыню приносили: проживу.

«Толян, одумайся! – кричало подсознание. – Сейчас тебя хозяин закрыл от фанатов, а на площади ты будешь совсем беззащитным».

«А была, не была – один раз живем! На площадь – и проповедовать!»

«Ну и дурак!»

«Дуракам всегда везет!»

Башмачник утром пришел – я ему:

– Дай руку.

– Зачем?

– Заберу для своей коллекции оторванных конечностей. Есть у меня такое хобби.

Преисполненный подозрений все-таки выделил в мое распоряжение мозолистую пятерню – да так сдал мне ладонь, что слезы брызнули. Тем не менее:

– Спасибо за все, и последняя просьба – перенеси меня на площадь.

– Ты мужественный человек! – с печалью в голосе сказал башмачник. – Но не сын Бога и там погибнешь.

– Ты прости, но мне не верится, что можно предсказать судьбу, только подержавшись за руку – вдруг все получится наоборот?

Хозяин покликнул четырех соседей из числа моих фанатов, пожертвовал кресло. Еще полчаса тряски, и я в центре города в тени раскидистого дерева на площади вымощенной булыжником.

Мои впечатления на новом месте?

Архитектурный стиль центра города лишен фантазии и скорее убог. Наблюдается некая ограниченность достопримечательностей – другими словами, их нет вообще, если не считать таковой большую мусорную кучу (куда я ползал по нужде) прямо на площади. Здесь сходились дороги купцов и покупателей, мошенников и просто искателей приключений.

Добрый башмачник подарил мне щетки для чистки обуви и корзину плетеную для хранения оных. Я стал не нищим, а чистильщиком обуви на шумном базаре. Лучше б шарманку – эх, погибает во мне менестрель!

Однако настроение совсем не лирическое. Поссориться с другом плохо, но куда хуже узнать, что тот, кого ты считал своим другом, отнюдь не испытывает к тебе схожих чувств.

Я с чего вообще заговорил о дружбе? Кто такой друг? Для одних друг – это собутыльник. Другие считают таковым всякого, кто готов дать в долг и надолго забыть об этом. Общеизвестно: друг – это человек всегда готовый прийти на помощь в беде, пособит делом или советом, скажет правду в лицо. Наверное, я добром платил башмачнику за добро, но в душе хотел считать его другом. Хорошо помню, как он Кабана за меня приласкал: тот, наверное, до сих пор среди зайцев свой – окосел и резво бегаёт. Как же мне теперь обидно узнать, что мои хорошие намерения оказались не поняты и были отброшены за ненадобностью.

А чего я собственно хотел? Чтобы свободный мастеровой человек с восторгом принял дружбу раба и калеки? Ведь знал это, а напридумывал невесть что! Показалось, башмачник другой – не как все. Ага, как же! Лишь только возникла угроза его благополучию – выкинул из дому, как дохлую мышь! Получил реальностью по оптимизму? Другой раз будешь умнее. Хотя, если уж Бог не дал ума сразу, откуда ж ему потом взяться?

Этими размышлениями развлекал себя день. К вечеру собрались мои фанаты – накормили, слово за слово разговорились, и до глубокой ночи шли дебаты, что есть Бог. Одно хорошо – я теперь свободен как ветер, и не надо вставать на работу с приходом хозяина.

Все-таки поразительно, как отсутствие пищи (или ее гарантии) влияет на аппетит. Живя у башмачника, никогда не думал о еде и воротил нос от того, что приносили нищие. Теперь ел все, чем угощали (клининговый бизнес мой не давал результатов) и всегда хотел есть. Именно так!

Ужас! А как пахло едой на базаре! Готовые мясо, рыба, блюда из грибов, мед, ягоды, фрукты, овощи – ароматы, выворачивающие душу.

Нет, для душевного спокойствия надо было выбрать место поглуше.

Единственное спасение – развлекать себя думами.

Анализируя все происшедшее со мной, пришел к выводу – для того и существует закон всемирного невезения, чтобы я в него вляпался. И как следствие физических недостатков – стал похож на человека с проблемами умственного развития: то опиум для народа глаголю, то настойку из мухоморов готовлю. И коль я врать не люблю – это ж о скольких вещах забывать нельзя! – ну ее к черту, такую жизнь!

Когда сумерки сжирали последние солнечные лучи, базар пустел – один за другим появлялись мои ученики.

От длительного сидения затек главный орган, подвергающийся нагрузке – тот, что пониже спины. И поясница начала выказывать свое недовольство моей неподвижностью. Пришлось спуститься с кресла (трона?) и на булыжной мостовой принять позу римского патриция.

Еще один нищий подошел:

– Прими, Мастер, мои подношения.

Скинув с плеча мешок, он стал рыться в нем, в поисках ингредиентов для предстоящего ужина. Я полулежал и смотрел на его неспешные движения, ни о чем не думая – просто наслаждался прохладой наступающей ночи.

– Эй, Мастер, что есть звезды?

Вот так всегда! Только расслабишься, размечаешься... бамс! Пинок под зад – привет от жизни! Дескать – я на месте не стою и тебе не дам!

Ну, да ладно.... С другой стороны – так приятно ощущать себя всезнайкой, когда в рот глядят и внимают каждому слову. Глядишь, за умного примут. И еще – в просвещении есть эффект подчинения. Вспомнились школа, институт, даже учебка анапская, где меня насыщали различными знаниями. А потом требовали их предьявить. Другое дело, книга – и интересно, и познавательно, и никто ничего не требует от тебя. Историю, географию, астрономию... изучал я не на уроках.

Так что там у нас? Звезды небесные.... Я вернулся в кресло – началась проповедь.

Объяснил все, как знал. В простате – сила! А вам бы все Бога поминать?

Что-то в моих куцых мозгах бумснуло, будто огненный шар взорвался, и догадка изволила посетить голову, отягощенную знаниями двадцатого века. Ну, конечно же! И как мог забыть? Почему не вспомнил об этом раньше? Ведь я – инженер. Могу, к примеру, построить ветряной насос, водопровод и подавать живительную влагу из реки прямо сюда, на прокаленную солнцем площадь. Чтоб фонтан бил. Объявить это чудом Господним. Дальше – больше! Надо использовать свои знания, чтобы убедить этих людей в своей незаурядности. Анатолий Всемогущий – звучит гордо!

Я от души потянулся, зевнул и... наткнулся взглядом на меня окружавших. Они расположились живописной группой, кому как удобно, и с интересом наблюдали за моими действиями. Что им здесь, театр? Было бы на что смотреть. Другое дело – умные проповеди....

– Вы чего? – обвел их недоуменным взглядом.

– Да вот, наблюдаем Мастера за работой. Потрясающее зрелище – ты сидишь, как замороженный кусок мяса, только губы шевелятся. Это нам впору спрашивать – ты чего? Богу молился?

– А вы думали, фиги комарам кручу? Конечно же, молюсь о спасении душ ваших.

– Бог тебя слышит?

– А то! Вот прямо сейчас повелел создать здесь на площади фонтан, чтобы каждый желающий мог свою жажду утолить.

Народ понимающе закивал головами – вода в жаркий день ой как необходима.

Нехорошее предчувствие холодной змейкой пробежало по телу.

– Погодите.... Он велел **нам** создавать – вы будете мне помогать?

Народ шустро зашевелился вокруг, пытая меня на предмет самочувствия и дополнительных желаний – ну, там, есть, спать, сказочку на ночь.... Пришлось убеждать моих прихожан в своем полном довольствии жизнью.

Калекой быть плохо! Мерзко, противно, гадко... ну и так далее. Единственный плюс – внимание и забота, которыми при этом оделяют. Да и то не всегда. Да и то не всех. Меня, к примеру, чтят Мастером и сыном Бога, а не за то, что не могу ходить.

Впрочем, оставим это – тут дела поважнее настигли.

Как только утром мы собрались на реку – я, естественно, на носилках: они легче трона – на одной из узких улочек ведущих с площади нас встретила очень «горячая» и тесная (в пря-

мом смысле слова) компания. Впереди мужики с мотыгами и дрынами. Чуть дальше расположился зрительный ряд из стариков, женщин и детишек. На их лицах читалось возмущенное негодование пополам с предвкушением редкого зрелища. Видать, не каждый день в городе уму-разуму публично учат.

Нам дали пройти не больше десятка шагов, потом раздался яростный вопль и вперед выскочил шустрый такой дедок. Вытянув в нашу сторону перст, он грозно заверещал что-то. Преградившие нам дорогу сперва зароптали, потом загудели, а потом и вовсе взвыли с яростью религиозных фанатиков. Похоже, живыми нам мимо них не протиснуться. Впрочем, столбов с перекладинами тоже не будет – нас просто разорвут на куски. Потому что контролировать разбушевавшуюся толпу самому Господу не всегда под силу.

По правде, все это было глупо до абсурда. Если вдуматься – мы говорили о Боге, о сущем мире, никому зла не желали и не делали. Наоборот – собрались водопровод изладить для общественных нужд. А тут готовы нас растерзать. Кто эти люди? Откуда злоба?

Снова раздался рев, сопровождаемый потрясанием кулаков и руганью. И на нас устремилась лавина бородатых мужиков. Странники мои на мгновение замерли в замешательстве... потом, бросив носилки (то бишь меня вместе с ними), кинулись прочь. По мне пронеслась волна перекошенных от жажды крови лиц.

3

Можно было по башмачнику догадаться, что в этом городе живут мастера и любители подраться. А вот убивать они не спешили. По мне пробежались, преследуя тех, кто кинулся в бегство – ногами сделали из меня отбивную и... забыли.

Крики стихли вдали, а я лежу себе – полужив, полумертв – как тот бедолага, наступивший на обосранные грабли, у которого лучший друг клизма. Уши ломит от тишины.

Но любопытство – страшная сила! Едва только понял, что жив и жить буду, задал судьбе вопрос – что дальше? Вывод напрашивался один – кто-то должен отнестись с участием к моей персоне, иначе погиб: сам ни на что не гожусь. Остается ждать – похоже, у меня развивается синдром хронического ожидания. Смерти не боялся. Смушало – как умру? что придется выдержать? что со мной будет в последние минуты или часы жизни? не увяжутся ли за мной здешние кошмары в мой цивилизный 20-й век?

Да уж, нелегкий путь уготовил ты, Господи, самозваному сыну своему – просто дорога в никуда. Только и по ней двигаться не могу – как Шурик гостеприимным кавказцам говорил: не имею физической возможности. Впрочем, намечается тенденция к стабильности. Стабильность есть постоянство, а тут: за что ни возьмись, все прахом – и светская карьера, и духовная... Стало быть, в неудачах завидное постоянство – чтобы понять это, не надо Спинозой быть! И чего от меня тебе, Боже, надо?

Это я жаловался Богу на Бога. Небеса всеблагое, ну и дурак же!

Однако же, госпожа удача если и не сопутствовала мне во всем и всегда, то хотя бы время от времени свои косые взгляды в мою сторону кидала. По крайней мере, пребывание мое на обезлюдевшей улице продолжалось недолго.

Рядом тихим шорохом слышались шаги.

Кто это там обо мне вдруг вспомнил?

С трудом повернул голову. Женщина. Хорошенькая и нарядно одетая – видать, не из бедных. Осторожно двигалась в моем направлении. Остановилась.

Ненароком Ахматова вспомнилась:

Если ты смерть – отчего же ты плачешь сама?

Если ты радость – то радость такой не бывает....

То ли смерть, то ли радость спросила меня:

– Ты кто?

Врать и прихериваться сил не осталось.

– Человек..., – и поспешно добавил, – человек разумный: умею писать, читать и считать... петь и стихи сочинять (?).

Сердце бешено колотилось, силясь разорвать грудь и выпорхнуть наружу, как свободолюбивая пташка.

– Почему тут лежишь, весь избитый?

– Избили и бросили, сил нет подняться.

– Кто?

– Те, кто не любит умных людей.

– Где ты живешь?

– Нигде, госпожа.

– Вставай и следуй за мной, если, конечно, жить хочешь в доме, а не на улице прямо здесь. Давай, помогу.

Она взяла меня за руку и попыталась привести в вертикальное положение. Я слабо дернулся с надеждой помочь и следом – невыносимая боль в спине, и черная ночь в глазах. Охоюшки!

Очнулся от плеска воды у самой макушки. Не сразу, но понял – ложе мое на плоту. Надо мною купол шатра. Слышны голоса на берегу, а вокруг ни души. Зато на расстоянии вытянутой руки миска глиняная с едой – жаркое из... ну, пусть будет заяц, с хрустящей ароматной корочкой. Сглотнул вмиг наполнившую рот слюну и накинулся на остывшее, но такое восхитительное мясо. Пару раз прижал челюстями и заглотил как змея мышку. Лишь бы поскорее заглушить жадное урчание живота, требующего провианта.

Что ж, каждый день пребывания в этом мире преподносит новые знания истины. Такие, к примеру – если хочешь чего-то добиться, научись ждать и верить; останавливаясь на полпути, никогда не дойдешь до конца дороги. Вот и эта встреча с прекрасной незнакомкой позволила мне усвоить еще одну весьма ценную закономерность – хорошая еда после долгого воздержания способна накрепко привязать чувством благодарности. Я не сказал, чувством любви – прекрасная незнакомка оказалась фавориткой хозяина. А тот еще тот тип...

Среднего роста, плотный, круглоголовый, с небольшой черной бородкой клинышком, круглоглазый. Бросалась в глаза очень мощная, толстая шея, в народе такую называют «бычья», огромные, сильно оттопыренные уши и непропорционально длинные руки с широкими ладонями и короткими, по всей видимости, очень сильными, пальцами. В целом он производил малоприятное впечатление (может, виноваты в том были его черные навывкате глаза, смотрящие на мир с недоброй пристальностью охотника, а может быть, презрительная усмешка, словно навеки застывшая на толстых губах). Но при этом было вполне очевидно, что это человек сильный, решительный и волевой, привыкший больше делать, чем говорить. Именно такие люди становятся очень опасны, если попадают во власть или в криминальные структуры, ибо добиваются лидерства жестоко и целеустремленно. А может, лишка надумал? – часто жизнь лепит наши физиономии так же странно, как и судьбы. Наверное, хозяин подкупил Бога обещанием бороться за его заповедь «не прелюбодействуй» в обмен на атлетическую внешность и удачу в делах. А я, должно быть, в это время в носу ковырялся, потому-то он у меня такой и вышел...

– Ну что, насытился? – вырос он в шатре предо мной. – Тогда, может, расскажешь, кто ты есть и какими судьбами оказался в здешних краях? Тем более в таком виде.

Я замялся – правды не скажешь, врать про родство с Богом стал опасаться, дабы избежать повторения уже имевших место неприятностей. Потом встрепенулся, сбрасывая сонное оцепенение после сытной еды – да была, не была! «Здесь помню, здесь не помню» – хорошая отмазка в духе Доцента из «Джентльменов удачи».

В сухой и крайне информативной форме поведал, что не помню, как зовут, и откуда взялся, но в память пришел в рыбацкой сети, и далее все перипетии моего пребывания в этих краях. Эмоции и лишние описания избегали мою речь, как нечисть христовы храмы. Четко, ясно, доходчиво – будто финансовый отчет. Может, это наитие: ведь я же не знал в тот момент, что предо мною купец – короче, рассказ ему мой понравился, как и я сам.

– Счет разумеешь?

Я чуть было не ляпнул – высшее техническое образование!

– Могу вести баланс доходов-расходов, учет оборотных средств и имущества.

Мужчина задумался. Мыслительный процесс длился недолго и отнюдь не мучительно. Глупцом хозяин плота и палаток явно не был.

– Хорошо, – решил он. – Поживем, поглядим.

На том порешили. Еще организационные вопросы обсудили.

Ну вот, теперь можно с чистой совестью начинать новую жизнь. Спина как болела, так и болит, ноги не ходят, зато перспективы обозначились в плане бытия. К примеру, хозяин слугу мне приставил – подать, поднести, усадить; кресло для сидячей работы приказал смастерить. Я против заботы и внимания ничего не имею.

Между тем, ярмарка в городе неумолимо приближалась к концу. Кое-кто из расторговавшихся купцов успел уже к родным чертогам отправиться. Засобирались и мой хозяин. Товары из палаток и сами палатки перетасили с городской площади на плот. Остался последний визит.

Согласно местной традиции, каждый год в последний день ярмарки здешний правитель устраивал пир в своей резиденции, куда приглашал самых богатых купцов и влиятельных гостей. В городе в это время всеобщее ликование – карнавал.

Хозяин был приглашен и наряжался со спасительницей моей, а я по его поручению, подсчитывал барыши. Денег в обиходе еще не было – меняли шило на мыло и называли это торговлей. Слуга мой (помощник?) перекладывал товары, я пересчитывал и бронзовым ножиком делал зарубки на палочках – сколько «мыла» в этой корзине, сколько «шила» вон в том кувшине... И думал о деньгах. Не для того ли явился в сей мир, чтобы «изобрести» и «открыть» их? Всяких – медных, серебряных, золотых. Может, это стезя моя? Может, здесь карьеру сделаю – разбогатею и положу этот девственный мир к ногам своим.

Думал, думал и... ужаснулся. Есть у денег какое-то странное проклятие, типа – чем дальше в лес, тем толще партизаны! Ведь не зря же Библия предупреждает о многочисленных опасностях для души, таящихся на стезе служения Мамоне. Еще немного и звон монет станет самой прекрасной музыкой на земле. Эдак и до сквальжничества докатиться недолго. Начну и я золото копить, в подушку зашивать, в сундуках да кувшинах по подвалам прятать, чтобы безлунной ночью спускаться и пересчитывать трясущимися руками. Худющий бледный скелетина в желтоватых отблесках золота. Худющий потому, что во всем себе отказывать стану, лишь бы очередной медяк сэкономить. Бледный потому, что на улице не буду появляться, дабы состояние без присмотра не оставлять – вдруг покусится кто? В общем – кошмар! С деньгами смириться можно, лишь когда их нет. И еще надо помнить, что в бизнесе все живут по закону курятника – столкни ближнего, нагадь на нижнего.

Такие мысли... Как говорится: горе от ума – невежам живется легче!

М-дя... Партбюро родной бригады сторожевых кораблей поручило мне дурные привычки в себе искоренять, а я, недотепа, все больше новыми обзавожусь. Вот и еще одна появилась – в любой, самой пропавшей ситуации строить фантастические планы своей молниеносной карьеры.

В общем, с меня причитается – если выберусь из передряг в этом мире и вернусь в свой, обязательно напишу благодарственное письмо в дальневосточный город Иман, в любимую 15-ю ОБСККа. Мол, начал умнеть – спасибо, братцы!

Вслед за купцом в город на карнавал отправилась и его команда, оставив немногочисленную охрану и меня в одиночестве. Хотя нет, компанию мне составили грустные размышления.

Ну что ж, на этот раз судьба свела меня с весьма неглупым и состоятельным человеком. У него было много имен – может, прозвищ? Кто-то называл его Лука, кто-то Максимом, кто-то Черным Хвостом... И относились к нему тоже по-разному. Его ненавидели, боготворили, боялись, но все признавали одно: он был настоящим Хозяином – решительным, властным, смелым, сметливым... Думаю, с ним можно и «дела варить», и до заветного МВЖС добраться. Вот спустимся на плоту по реке в его родной город и...

В планах у меня – открытие школы и университета, призванные обучать и воспитывать молодежь. Сам же и буду преподавать, а еще присмотрю умных и талантливых людей. Откроем монетный двор, кредитный банк и введем в обращение деньги – медные, серебряные и золотые монеты. Миром во все времена правил «золотой телец»! Он-то и положит его к моим ногам. И еще – проведем водопровод и канализацию. Театр откроем и цирк. Поменяем одежду – свитера баб научу вязать и костюмы шить с карманами. Зонтики введу в обиход от дождя и солнца. Профессиональную армию организуем, ну, или стражу. Обязательную воинскую повинность введем – молодежь учить ратному делу на случай чего. Больницу и приют – первым делом.

Весь город обложим налогами, исходя из правила Скарлетт: в карман к беднякам залезать куда проще и безопасней. И самое главное – разумный механизм управления.

Вроде ничего раздумья – так почему же грустные? Угадывайте с трех раз.

У меня никогда не было своего жилья. В детстве – родительский дом. Потом – общага, казарма, кубрик, снова общага и на заводе опять общага, пусть даже семейная. Вот обустрою первобытный город и куплю себе дом или построю. Говорят, Диоген на спор разбогател за месяц. За сколько же я успею?

Человечество билось над этим вопросом всю свою жизнь, и накопило необычайное количество мудрости, увлекательных знаний, парадоксальных истин.... До сего дня мало практически успел узнать, но то, что открылось – манит. Хочу власти, богатства, славы. Хочу работать с людьми, которые научат, как преуспеть в этом мире....

Мне не с кем пикироваться – попробую с вами, уважаемый мой читатель.

Предвижу тираду – в юности все кажется преувеличенно значимым: болезнь такая – гигантомания; с возрастом это проходит; сначала все уменьшается до нормальных пределов, и это проявление зрелости – видеть все таким, какое оно на самом деле; затем все уменьшается, высыхает, съезживается – и это уже пора мудрости: «суета сует», «и это тоже пройдет», «ничто не ново под луной», «насрать!»....

Скука, одним словом. Но надо признать, в нашем двадцатом веке в нашей стране, строящей коммунизм, шансов, как-то возвыситься, у меня практически нет. И было бы глупо упустить таковой в этой первобытной стране. Я ведь заметил – здесь нет ни лодок, ни паруса, ни колеса. Или не инженер я? Решено – остаюсь здесь навсегда. Надеюсь, вы поймете меня. Искать меня все равно некому – да и мало кто знает, что исчез я в пещере Титичных гор. Не дезертирую, нет – иду на битву куда более опасную и трудную. На битву не за прогресс народа отсталого, а за собственное величие, ибо своя пижама ближе к телу. Мне дано право выбора – и я его делаю. Может когда-нибудь – кто знает? – и захочу возвратиться в мир породивший меня, но не сейчас.

И снова тирада – нельзя оставлять за спиной такую слабость, как любовь; это заведомый проигрыш; если человек хочет добиться чего-то, он должен быть сильным, у него должен быть стержень, должна быть основа – характер, злость, холодный и трезвый ум; а это несовместимо с щенячьим, сопливым чувством обожания; ты страдаешь, что потерял ее, а того не поймешь, что был обречен на полное поражение, когда встал на колени под ее окнами: каким же ты был дураком! кори теперь себя за слюнтяйство; слабый не может стать победителем; любовь – это слабость; надо было пересилить себя, зажать волю в кулак, контролировать чувства, не идти у них на поводу, а подчинить своей воле, и тогда получил бы желаемое....

Ну и где тут любовь?

Пишу за читателя – это мудрая будет любовь; проанализировал все возможности, проявил характер, добился желаемой женщины: она обожает тебя, ты – победитель! а сейчас у вас получилось – она поставила тебя на колени и ушла к другому; или тебя утешают японцы, считающие, что «любовь – это мать одиночества»?

Меня утешает уже тот факт, что она была. Добиться и обладать – в этом счастье?

Ну, очень умудренный жизнью читатель – люби себя, люби детей, а женщину покори и владей; создай себя, построй свой мир; стань таким, рядом с которым она почтет за честь быть: женщины подчиняются только силе....

Она не такая.

Тот же тип – все женщины одинаковы; просто некоторые даже себе не хотят в этом признаться, но очень бывают рады, когда их переубеждают; добившись мужа, они считают, что достойны лучшего; а тебе пора видеть мир таким, каков он есть, не идеализируя никого и ничего; помни: не предают только враги, но всегда предают женщины и друзья....

Да, наверное, так и надо жить: упал, встал, отряхнулся и дальше – но не умею.

Тот же тип – учись!

Будь по-твоему. К своему диплому инженера-механика добавлю циничный взгляд на все ценности жизни и сделаю карьеру властелина первобытного мира....

Ночью мне приснился Челябинск в дожде. Я бродил, на улицах никого – только дождь мелкий, нудный, осенний, запах дождя и я. Уже забыл, когда в последний раз видел подобные сны – все больше кошмары одолевали.

В превосходном настроении проснулся утром.

Мы уже плыли. Хозяин вернулся ночью с бала, и сразу отчалили. Может, забыли кого из команды на карнавале? Во мне циник ликует: ноги ходят – пусть догоняют!

Погода, пейзажи за бортом... умереть не встать! Если б еще сейчас встать.... Клянусь! Запрыгал бы на одной ноге по плоту, вереща, как после приема у венеролога: «Я у мамы дурочка, три пера – не курочка!» Но, увы, спинка болит, ножки немощны – так что, лежу и люблюсь. Вот и хорошо, вот и ладненько – то, что доктор прописал.

Лука Максимыч Чернохвостов, короче хозяин, напротив, не в духе – глянул на сияющую рожу мою как москвич на урюпинца, и пошел изучать результаты ревизии.

Вечером похвалил:

– Да ты молодец! Далеко пойдешь.

Если бы Максим Лукич обладал даром предвидения, он вряд ли стал благодушествовать по этому поводу. В жизни действительно не все получается так, как хочешь. И я решил помолиться, как простой смертный: «Господи, молю тебя – прости меня за самозванство и помоги на новой стезе! Я поставлю тебе такую свечищу, что ты с облака рухнешь. Я никогда ничего не просил у тебя и несу безропотно по воле твоей крест неходячего. Помогите мне только сейчас – один раз, всего один раз, а там уж я как-нибудь сам. Ведь это такая малость для тебя и так важно для меня. Прости и помогите!»

За ужином «кормил» народ скабрёзными анекдотами из нашего мира «осовременив» их, чтобы поняли. Дело было вечером, делать людям нечего – ржали все. М-дя, мужики есть мужики, в какой эпохе не живи – темы одни. Оно и понятно – телевизоров нет, а свободное время проводить как-то надо.

Хорошо.... Приятно посидеть и немного расслабиться в окружении пусть первобытного, но все же человеческого общества. В прошлый визит в пещеру Титичных гор в наперсниках, помнится, был у меня тираннозавр. Молчун, а как пасть разинет – береги уши!

Забавно это – вернуться почти через десять лет прямоком в то место, где уже был, и застать его постаревшим на сотню—другую тысячу лет. И что интересно, тогда мне власть сама в руки шла, а я от нее – на костер, в бега.... Теперь, вернувшись изощренным циником, не отягощенным более ничем, кроме собственноручно установленных принципов, никак ее достичь не могу. Парадокс? Да, так и есть, но в любом противоречии есть свои закономерности – надо просто подходить к ним с несколько эгоистической точки зрения. Достаточно встроить происходящее в собственную систему восприятия, и тогда оно становится неотъемлемой частью личности. Это помогает легко перенести изменение мира и собственную физическую беспомощность. По крайней мере, внешне я от здешнего первобытного человека ничем не отличаюсь. Ну, может, волосы у меня потемней, а кожа светлей, да глаза не такой голубизны. Сейчас это не имело значения. Ведь никто из них не сказал, что я пришел из другого мира, и на версию моего божественного происхождения не шибко-то повелись. Ну, а что до моего сознания.... Это отдельный разговор.

Вот памятью перегружен, как минимум на двух человек. Что же она такое, наша память? Странная человеческая способность помнить прошлое и мысленно переживать его вновь? Не то жестокий палач, не то великий дар – не забывать ничего и черпать силу из воспоминаний, пусть горьких порой. Для каждого верен свой вариант, но я предпочитаю второй. Ведь, ныряя в прорубь, рассчитывал попасть к людям Падающей Воды – тем самым, что хотели назначить

меня Хранителем Веры. Теперь готов был им стать, а попал вот сюда. Завидую ли себе, тогдашнему? Знаю, что зависть – это мысленная кража. Знаю – если жаждешь чего-то добыть у другого, готовься вместе с добытым принять и его заботы, тревоги и муки. А тут своих полон рот – не до зависти!

Между тем, плот плыл по течению – все, кроме двух мужиков на рулях, сидели у огня в закопченной глиняной чаше и внимали хозяину, подводившему итоги вояжа.

– Мой плот – остров чистоты в море грязи, око разума в буре безумия, – Черный Хвост говорил серьезно, совсем не подозревая о мелодраматическом звучании своего заявления...

Силился и никак не мог понять, к чему это он. Впечатление – сейчас будет нас подбивать в речные корсары.

Низкий и угрожающий рокот грома прокатился по ночному небу.

Самый старый на плоту заявил:

– Кости пророчили нынче грозу.

– Может, не гром, – возразили ему. – Не сверкало вроде.

В тот же миг молния навернула, очертив берега, и раскатился гром над рекой. Сильный холодный ветер заставил водную гладь вспениться рябью. Воздух отяжелел, набухая дождем. Мир перевернулся с ног на голову в одно мгновение.

Я вдруг заметил, как тяжело опустились плечи хозяина – вид его стал удрученным: он был явно напуган. От каждого звука вздрагивал так, что я бы не удивился, услышав, как его кости в суставах щелкают друг о дружку. При свете молнии увидел, что и глаза моей спасительницы засверкали от ужаса и непролитых слез. От грохота грома женщина закрывала лицо руками.

Новый разрыв снаряда небесного пробил дамбу, и хлынул поток ледяного дождя. Все кинулись прятаться, а я остался у потухшего мангала неходячей рекламой позитивного мышления. Потом обо мне вспомнили и перетащили в палатку.

Гроза порвала ночь.

Утро было низкое и голубое – проколотое высокими соснами на берегу. Воздух чист и так ясен, что казалось возможным разглядеть все пространство до моря, к которому стремилась река. Густые ивы в клочьях тумана чернильными пятнами отражались в воде. Ветер еще дремал после вчерашней грозы.

Нет нужды быть честным с самим собой – дикари панически боятся грома. Усвоим.

Несколько дней прошли безо всяких событий. Тишина ночей нарушалась время от времени лишь порывами ветра в листве, криками ночных птиц, рычанием и воем невидимых в темноте животных. Я тяготился бездельем.

Как-то полуденным зноем большая любопытная ворона заглянула в мою палатку.

– Чего ты хочешь? – спросил, не удивляясь, что не вижу ничего дурацкого в подобной беседе с дикой птицей: ведь в тот мой визит в эти края я понимал их язык.

Птица глядела, почти не моргая.

– Ты хочешь покушать?

Ворона подняла одно крыло и, засунув под него голову, клювом принялась очищать перья, выискивая блох.

– Или ты прилетела болтать?

Гостья переступила с ноги на ногу, тряхнула головой и уставилась на меня одним глазом.

– Тебя Господь прислал?

Ворона сохраняла спокойствие.

– Ты хочешь меня поклевать?

Черные глаза ее блеснули, крепкий оранжевый клюв слегка раскрылся.

– Не боишься – башку сверну?

Ворона подняла хвост и оправилась.

– Это твой ответ Чемберлену?

В палатку вошел мой слуга. Ворона была не так резва, как того требовала обстановка – успела только каркнуть, трепыхнувшись в его руках. Мальй взял ее за кончик крыла – бес- сильно болталась свернутая голова – у него возник на добычу план.

– Ощиплю и в котел.

Судьба.

День был благословенно спокоен, а воздух чист, когда мы ошвартовались. Обитатели города – не все, конечно – высыпали на берег, встречая нас криками:

– Привет! Вернулись! Какая радость! А где остальные?

Народ на плоту просто вопил от восторга. Только хозяин наш в последний час путеше- ствия все мрачнел и мрачнел, а спасительница моя укрылась в палатке.

Потом бум спал – все, кому надо, сошли на берег.

Когда апельсиновая корка осталась от солнца на горизонте, хозяин с фавориткой своей молодой притащили меня на ужин. Нас всего трое на плоту осталось.

Уже в сумерках в сопровождении двух здоровяков с факелами на плот явилась жена Чер- ного Хвоста, вышагивая, как мужик – размашисто и уверенно. Сверкающими глазами она мне сразу показалась намного круче своего муженька, хотя выглядела гораздо моложе его и привле- кательней соперницы – худая, гибкая, энергичная. Русые волосы заплетены в косу и короною вокруг головы. Черты лица строгие, но приятные, а кожа гладкая, как шелк. На ней сапожки и сарафан расшиты бисером, а темный плащ мехом подбит. Однако, я бы не стал причислять ее к разряду красивых женщин – что-то в ней настораживало.

Мы только поужинали и сидели втроем вокруг огня глиняного мангала.

Увидев жену, Черный Хвост подскочил, рот открыл, что-то сказать, но промолчал и набы- чился.

– Ну, рассказывай, дорогой – как торговал? что привез?

Голос был низкий и к тому же дрожал от злости.

– Слушай, – Лука Максимыч оторвал свой взгляд от бревен плота, – давай расстанемся без драки. Все поделим и станем отдельно жить.

Купчиха приподняла одну бровь и с пренебрежением посмотрела на сгорбленное суще- ство:

– Полагаю, ты прав. Все, что здесь есть, остается тебе, а домой даже не суйся. Нормальный дележ?

Несколько лет они прожили в браке, и она искренне верила, что всегда может контро- лировать его. Правда, однако, была иной. Они могли бы считаться крепкой парой и сейчас, если бы Черный Хвост не боялся ее и не ненавидел каждый ее вздох. Максиму Лукичу сто- ило больших сил преодолеть чувство робости перед ней. Да, жена его была обладательницей заносчивого характера, а если учесть, что он намеревался уйти от нее к другой женщине, то получалась весьма взрывоопасная ситуация. Я так подумал.

Он бы, по-моему, мог ответить ей вполне язвительно, но спокойно сказал:

– На все согласен лишь бы быть подальше от тебя.

Она презрительно скривила губы.

– Хорошо подумал?

– С меня довольно.

– Ты без меня ничего не стоишь!

– Значит, я не отношусь к твоим ценным приобретениям?

– Сам ответь на этот вопрос – чего ты добился за свою жизнь?

– Посмотрим – у меня теперь все впереди.

– Тебе лучше оставить наш город.

Прежде чем ответить, он раздраженно фыркнул.

– Непременно так сделаю. Всякий раз, как идти домой, у меня начиналась головная боль – потому что ты там.

Она взорвалась:

– Сукин сын! Вбей себе в больную голову одно только правило – ты без меня ничто: у тебя нет прав, нет желаний и свободы. Все понял? А теперь бери в горсть свою жирную задницу и молча шагай за мной – с девкой твоей мои слуги останутся. Если еще раз пикнешь о разводе, я с тебя три шкуры спущу. Все понял?

Он непроизвольно отпрянул, а потом неожиданно засипел, будто голос сорвал, и теперь слышны были в нем то ли нотки неразделенной любви, то ли ненависти к бывшему объекту притязаний:

– Я – человек, свободный от рождения.

– Может, ты и был человеком, а теперь ты – мой муж и должен поступать, как я велю.

Ты все понял?

Испугался он ее слов? Да, пожалуй. Но не смерти же он боялся – тут что-то другое. И я понял – это любовь. И вскипел душой – смотри, Анатолий, смотри, как они нашего брата имеют! Рабство – вот что такое любовь! Настоящее рабство!

– Почему я должен это делать? Из-за счастья спать с тобой в одной постели?

– Да, ты в долгу предо мной. Своей тупостью развалил немало интересных дел.

– Ну, так делала бы сама! А я бы делал мужскую работу – охранял, защищал. Но тебе этого мало. В отличии от нормальной женщины, ты неуправляема, как змея.

Она бросила на него взгляд, исполненный ненависти, подошла и размахнулась для пощечины, но Черный Хвост поймал ее запястье.

– Хватит, больше ты меня не ударишь!

Она выдернула руку и повернулась к факелоносцам.

– А вы что стоите? Я хочу его смерти!

– Да ты сумасшедшая! – крикнул ей в спину Черный Хвост.

– А когда-то говорил, что красивая.

– Ты и теперь красива – как змея ядовитой, как сука волчья. А мне нужна женщина.

Понимаешь? Когда-то готов был убить за тебя, а сейчас хочу убить тебя, стерва.

Она снова кинулась к нему и попыталась пнуть.

– Не смей меня так называть!

Он увернулся:

– А если я к тебе приложусь кулаком?

В ответ она выхватила кинжал из ножен на поясе.

– Пришло время покончить с тобой.

Черный Хвост зарычал и попятился, отступая к палатке – там у него было оружие. Когда он скрылся с глаз, разъяренная супруга с кинжалом, который держала выше плеча острием вперед, повернулась к сопернице. Та, взвизгнув, в три прыжка пересекла плот и кинулась в воду. Свирепые глаза купчихи за меня зацепились:

– А ты кто?

Я молчал, не зная как остеречь эту фурию от убийства.

– Назовись, или я вырежу на твоём лбу – «немой».

Вполне может – сообразил и начал такой базар:

– Госпожа, у меня сломана спина, и она требует ухода. По этой причине я неподвижен...

Она сделала шаг – я поспешно:

– А зовут меня Анатолий.

Она открыла рот, что-то сказать, но не успела – из палатки выскочил Черный Хвост с мечом и затеял бой с факелоносцами. Лука Максимыч оказался искусным бойцом – его про-

тивники, лишившись огня, ретировались с плота. Один факел упал в воду, другой на палатку, и она вспыхнула.

И вот они стоят друг против друга – муж и жена – он с мечом, она с кинжалом, тяжело дышат и сверлят друг друга глазами. Он молчит, она срамит его.

Когда Волчий Хвост заговорил, в голосе его было больше печали, чем злости:

– Мой отец убил моего брата в пылу гнева и уже готов был убить меня, но я оказался быстрее. С тех пор поклялся не убивать людей – уходи по добру по здорову.

Женщина застыла статуей – казалось, она ждет момента, чтобы ударить кинжалом.

– Хорошо, что у нас нет детей – как бы они сейчас страдали. Уходи, я сказал.

Жена его еще помолчала, потом шевельнулась:

– Я уйду, когда плот сгорит. Ты останешься нищим. . . .

Огонь полыхал: занялись уже бревна, настил – а они все стояли друг против друга, глаза в глаза: то ли прощаясь навсегда, то ли ища пути к примирению. Может, это любовь такая? Вот я никогда не испытывал подобных чувств к женщине – любить до ненависти, любить, чтобы желать убить. Сейчас едва вспомнить мог, как добивался расположения своей жены.

М-дя. . . жена. . . Где ты теперь? С кем? Даже если когда-то у меня были чувства к тебе, ты убила их своей бессердечностью. . . . Впрочем, вы все одинаковы. Вы презираете нас, хотя жизнь посвящаете ловле мужчин. И каждый раз, используя нас, вы, уходя к другому, не говорите – спасибо за совместно прожитые годы. Вам просто наплевать на нас и наши чувства.

Вот и с Чернохвостовыми так – одна форма зависимости, окрашенная разными тонами возможных причин. Для нее, скорее всего, этим тоном было стремление к власти; для него – любовь или благородное чувство мужского покровительства к слабому полу. . . .

Ни к месту и ни ко времени откуда-то с берега принесли петушиный крик – и этот обычно отгоняющий ночные кошмары звук был странно пугающим.

Пора подумать о своем спасении. Все люди часто задают себе вопрос, что ждет их после смерти и ждет ли вообще их там что-нибудь. Я – единственное исключение, потому что знаю: после смерти в этом мире, вернусь в свой, двадцатый век. Это опробовано. Но, как бы то ни было, умирать очень страшно – боюсь боли физической, душевных мук. И есть подозрение – а вдруг эта смерть окажется для меня окончательной. Хотя – что мне терять? чего бояться? в этом мире, в этой жизни нечего: устал, бороться устал, и жить вот так, как живу. Смысл моего неходячего пребывания здесь непонятен. Каждый новый день превращается в ожидание чуда, а его все нет – кому это надо? Умереть сейчас и все начать заново?

А огонь бушевал, подбираясь ко мне.

Перестав наблюдать, как разворачивается драма у супружеской пары, пополз к берегу. Можно было и к воде, но инстинкт подсказывал, что это будет ошибкой.

И вот я на берегу, а эти все стоят на горящем плоту.

– Уходи, ты сейчас сгоришь! – крикнул он.

Порыв ветра закрыл их дымом. Факелonosцы носились по берегу, призывая госпожу сойти с горящего плота, но ни один не рванулся на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.